

*Любовь или страсть нас давно не кидают друг к другу.
В больших городах поселилась тоска отчужденья...*

<...>

*И все, что покажет мгновенье в искусственном свете,—
На солнечный мир изначальный земли не похоже...*

Чтобы не заболеть, нам необходимо начать любить.

З. Фрейд

Много людей живут, не живя, но только собираясь жить.

В. Г. Белинский

Хорошая литература в любое время — это прежде всего текст, написанный личностью. Именно такой разносторонней личностью и является Алексей Афанасьевич Яшин — самобытный писатель-прозаик, лауреат многих всероссийских и международных литературных премий, главный редактор литературно-художественного и публицистического Ордена Г. Р. Державина журнала «Приокские зори», которому совсем недавно исполнилось 15 лет, по нынешним временам, когда заниматься «толстыми журналами» стало крайне сложно,— срок не такой уж и малый. Не счесть его регалий, обозначим лишь самые значимые: заслуженный деятель науки Российской Федерации, дважды доктор: технических наук и биологических наук, дважды профессор Тульского государственного университета: по кафедре ЭВМ, по специализации «Медицинские приборы и системы». Награжден медалями А. Нобеля, Н. И. Вавилова, В. И. Вернадского, кавалер орденов «М. Ю. Лермонтов» и «Владимир Маяковский». Поддерживает прозаик тесную связь и с братской Беларусью, будучи членом Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Алексей Яшин — писатель социальный, глубоко психологичный, поднимающий исторические вопросы, уходящие своими корнями в национальную русскую почву, животрепещущие вопросы нашей жизни, требующие сохранения отечественной культурной памяти, осмысления дня сегодняшнего.

Нужно сказать, что и литература, как вид художественного творчества, по своей природе и функциям — явление социальное. И автор представляет нам эту социальную откровенную прозу, талантливо высвечивая многослойный срез современности. Хорошая литература создает хороший текст, который тем и хорош, что его нельзя повторить. Произведения Алексея Афанасьевича очень часто объемны, а всякая объемная проза непроизвольно стремится к романному статусу: будь то повесть или такая малая форма как рассказ, которые по развитию своего сюжета смело могли бы у него стать романами. К примеру, повесть «Коммуна комиссара Гоши», где он описывает калужскую деревню по линии своей матери, весьма любопытно касаясь и роли А. И. Солженицына «в уничтожении его же бывшей родины». Этот «вермонтский отшельник» стал парадоксальным сосредоточением всей литературы 90-х годов

* Алексей Яшин. Женщина в челоуейнике: Роман одного дня (Предисл. Л. В. Ханбекова): Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2018.— 395 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»). В электрон. форме см. на сайте www.pz.tula.ru.

ушедшего века. А. Яшин объективно разбирается в столь запутанном феномене, где правда и художественный талант, а где явное сочинительство и катастрофическое преувеличение вознесенного на пьедестал масштабного писателя. А в рассказе «Враг народа и себе враг» — поколение «шестидесятников» с его ценностями истинного выбора, с уникальным явлением и характерной чертой советского человека того периода — «толстыми литературными журналами», активными двигателями литературного процесса, этими достоверными свидетелями эпохи с ее крепкими моральными устоями не только в литературе, но и в жизни. И патристический рассказ «Последний граф Империи» — пронзительное повествование о верности долгу, чести и совести, о бескорыстной любви к Отечеству и народу в роковые для него моменты духовных и физических испытаний. Приближает к пониманию веры и последних дней жизни всемирного русского гения философско-религиозный очерк «Последний евангелист христианской эры», что был создан автором к юбилею Л. Н. Толстого, в котором открывается свое моральное Евангелие великого писателя-моралиста, его Христовая мораль, соединенная в Четвероевангелие.

Сегодня в новой прозе третьего тысячелетия происходят неизбежные мутации романного жанра, когда роман не имеет строго раз и навсегда установленного канона. Сам его жанр неуловим, он находится в постоянном контакте с меняющимся миром. Но в то же время роман остается сам собой, и роман меняется. Faktion — сплав, соединение вымышленного с фактографическим подтверждением. Так у А. Яшина в романе «Женщина в человечнике: Роман одного дня» встречаются элементы автобиографии, при этом, несмотря на его острую социальность, нет навязчивой публицистичности. Придерживаясь новаторской линии в прозе, роман не лишен привычной классической традиции. Автор соединяет хроникально-бытовое время с условным и перед нами как будто возникает подвижная лента интернета. «Роман одного дня» охватывает время разное, он как бы вне времени — один день длиной в жизнь, включающий и мгновение, и категорию вечного. Хочется задуматься: обыкновенный современный роман, есть ли он сегодня как жанр? Стоит лишь включить поисковик интернета и начнут мелькать приевшиеся названия: «Больше, чем любовь», «Тень Казановы», «Новая методика обольщения», «Брачный контракт», «Первородный грех» и тому подобное.

Между тем, прогноз Осипа Мандельштама о быстрой кончине романа не подтвердился. Леонид Ханбеков в предисловии к роману Алексея Яшина говорит о том, что его автор — фундаменталист, и роман выдержан в классических канонах, манера его письма нетороплива, писатель сосредотачивается на характерных приметах своего времени, создавая словесные портреты противоречивых явлений нашего социума. Алексей Яшин обладает собственной особой логикой. Если для истории не подходит сослагательное наклонение, то для философии и литературы — напротив, ведь оно помогает осуществлять анализ происходящего. Проза писателя не носит исповедальный или проповеднический характер, она вольная и ассоциативная, в большей степени философско-психологическая. Не секрет, что литература современности стремится к синтезу, сплаву документа и вымысла, мечты и факта. И автор имеет дело с живым материалом, когда форма не может быть квелой, потому как современный роман должен быть с драйвом, как должен быть с драйвом и образ современной женщины, образ многогранный и неоднозначный, составляющий главную и существенную роль в смысловом поле романа А. Яшина. Впрочем, исследовать идею сложнее, чем заявить тему. Автор совершает аналитическое проникновение в ткань собственного художественного текста, когда в ткань произведения вводятся всевозможные афоризмы, максимы, сентенции, дающие богатую пищу для размышлений.

Обложка книги цепляет названием «Женщина в человечнике», отзываясь реми-

нищенскими в соприкосновении с романом А. А. Зиновьева «На пути к сверхобществу», включающем философские научные идеи и социальные повседневные наблюдения. Философ А. Зиновьев пишет ясно и доходчиво, не смешивая науку и идеологию. Человейники у него — человеческие объединения, имеющие — микро-, макро-, и супер-уровни, общества и сверхобщества, подразумевающие устойчивую совместную историческую жизнь. Но никакой прогресс не дается даром. Доминанта западного мира — особая форма колонизации, где социобиологический робот стал абсолютной необходимостью его существования, где безразличие и прохладность — визитная карточка современных отношений. На этом глобальном цивилизационном распутии высвечивается главный вопрос нашего бытия — человек. Идеи трансгуманизма, провозглашающие цифровую революцию и упраздняющие самого человека, уведут нас в плоскость проекта человека-потребителя, ставшего материальной частью государства техносферы, для которого ноосфера, основоположником которой был ученый-мыслитель В. Вернадский, — лишь несбыточная мечта. На этот счет А. Зиновьев замечает: «Индивидуальность здесь так же избыточна, как и для муравьев», живущих в перенаселенных муравейниках, по образу и подобию которых и функционируют человеиники.

Но пересказать затейливую книгу А. Яшина, вызывающую необычное впечатление, крайне сложно, да и не стоит, ее нужно читать, ведь его «Женщина в человеинике» пестрит писательскими придумками. Автор изобретает свой собственный понятийный аппарат, основанный не только на философской логике, но и на интуитивной логике познания жизни. К счастью, спасительной наукой о человеке является именно литература. Разве может прекратиться извечный спор эстетики и литературы, представляющий жизненный взгляд на литературу и литературный взгляд на жизнь? Но, как говорится, «на всякого мудреца довольно простоты» — строгая литературная наука требует истины. Окинув современный литературный процесс общим взглядом, понимаешь, что тихо уходят утомленные постмодерном, несдающиеся «шестидесятники», что либеральная революция и последующие за ней гражданские войны в литературе кончились и победили в ней не западники, не славянофилы, не демократы и патриоты, о чем говорит в книге «Такова литературная жизнь» критик Н. Иванова, а всенародная любовь, не увенчанная никакими премиями, — А. Маринина, Д. Донцова, Т. Устинова, с чем можно нас всех и поздравить! Получается, что литература проиграла эту компанию — победили те, у кого был талант писать плохо. Массовая литература взяла в полон все и всех. Поэтому книга А. Яшина — это не рассудочный прием литературной коммерции при всех ее редких экзерсисах. Автор намеренно оставляет нам условие и пространство для домысливания, ему присущ интуитивный дар ассоциаций, расширяющий текстовые горизонты заданного им философско-этического плана, заставляя при этом напрячь мозги и массового читателя легкого чтения! А книга действительно написана так, что ее будут читать все! К тому же исключительно оригинально само оформление книги, автор использует метод всевозможных иллюстраций, гравюр, сатирических картинок-карикатур, позаимствованных из русских книг давних классических изданий.

Исходя из вышесказанного, А. Яшин неслучайно начинает роман выдержкой из книги А. Зиновьева «Коммунизм как реальность», приводя достаточно любопытную цитату об «интимной жизни коллектива», которая «не исчерпывается совместной производственной или служебной деятельностью». В Советском Союзе всегда присутствовали «личные взаимоотношения». «Они сплывают коллектив в нечто большее, чем семья, а именно — своего рода единую личность (суперличность) коммунистического общества, в такое «мы», которое имеет право рассматривать себя как «я», — заключает философ-социолог. Разрешая важнейшее противоречие между «я»

и другими, между личностью и обществом, в известной книге-трактате «Опыты» Мишель Монтень расширяет круг жизненных интересов, выводя человека за пределы своего «я», он говорит о его природных качествах: естественной доброте, чувстве долга перед окружающими, опорой которого как раз и служит взаимная любовь и симпатия людей. Но в западном типе человека и в его психологии над коммунистическим типом доминирует индивидуализм, деловой аспект и законы рационального расчета.

А. Яшин ставит задачу в своем социальном романе — показать русскую женщину в глобализирующемся человечестве — человежнике. Как видим, идея свежая, но, что касается жанра, то автор старается излагать материал в русле традиции, он идет от классического наследия — к современности. Итак, писатель рисует собирательный портрет женщины нашего времени, любезно предлагая нам, как замечает Л. Ханбеков, на мир «смотреть глазами своей героини». Основная рассказчица всех историй, их непосредственный аналитик, героиня романа — Елизавета Васильевна, которая к своим 32 годам еще и дипломированный психолог, кандидат психнаук. И «новый русский критический реализм», разработчиком и приверженцем которого А. Яшин является, русская словесность новейшего периода, как он считает, невозможны без тщательного исторического экскурса. Прозаик связывает разные эпохи и времена, извлекая корни зарождения и развития тех или иных событий, влияющих на человеческие отношения. Казалось бы, причем тут глава книги с весьма странным названием «Китаевка и ее обитатели»?! Однако в данной главе определены значимые максимумы — слияние в романе нескольких линий: история родины, что переплетается с историей одной, отдельно взятой, семьи, где обязательно присутствует автобиографический элемент, женские образы и философия любви, поиск мимолетного и вечного в жизни и судьбе.

Всеведущий автор совершает исторические сюжетные отступления и дает волю своему необычному литературному дару. Центр притяжения повествования — Егор Фомич Сиваленков, отставной боевой полковник, прадед Лизы, другой важный образ, параллельный образу главной лирической героини. Его усилиями был выстроен огромный дом, в котором жили «под одной крышей чисто по-русски», жили «традиционной семьей в три — четыре поколения». История про одну определенную семью обычно рассказывается для того, чтобы показать, как устроены многие семьи. Семья А. Яшина — потомки калужских крестьян, отец из калужских старообрядцев-половцев, моряк-североморец и архангельская мать с примесью шотландских кровей. Мать родилась в большом монастырском селе Великий Халуй Архангельской губернии — Северный край между Онегой и Северной Двиной. Эти места и белокаменный монастырь описаны им в повести «Коммуна комиссара Гоши». А вот география конкретного места действия в книге «Женщина в человежнике» — российский областной центр Тулуповск, старый уездный город, возможно, и воображаемая аллегория с городом Тулой, где везде, если ты живешь в России, всесильно чиновничество, определяющее все и вся, как и во времена славного губернаторства М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ну, а он, как никто иной, в этой бессмертной теме знал толк. В нашем Тулуповске находится и знаменитая Китаевка, основанная поселенцами-китайцами, приехавшими на работу в Россию, на стройку века — КВЖД — гигантский проект Транссиба. «Так появилась тулуповская Китаевка за железнодорожной линией, огибавшей город с западной его окраины», — красочные топонимические букеты живописует автор, попутно рассказывая о «китайских беглецах с родины», этой дешевой рабочей силе, пребывающей в избытке по срединной Сибири. В книге приводятся удивительные факты о том, что «как только Транссиб дотянулся до Харбина, а оттуда ветки на Владивосток и Порт-Артур, так китайцы всеми правдами и неправдами <...> устре-

мились в Россию <...> тысячи, десятки тысяч китайцев прорывались в Россию». Свой «долгий путь в Россию» совершила и знаменитая бригада Ле Хувея, дальновидно нацеливающего китайских соотечественников приобщаться к русским традициям и культуре, к изучению русского языка. В свете нынешних событий и чрезвычайно активной и возрастающей роли Китая во всех сферах и областях человеческой деятельности будет уместно вспомнить цитату древнего китайского мудреца Сунь-цзы, когда-то провозгласившего: «Знай себя, знай других — и ты будешь непобедим».

Буквально каждую главу книги «Женщина в человекнике» предваряют остроумные истории, похожие на анекдоты, а может вполне реалистичные были. Текст изобилует пословицами, точными авторскими умозаключениями, не лишенными иронического взгляда на природу вещей и явлений. «Что ж теперь нам делать с зловредными русскими пословицами?» — задается закономерным вопросом писатель. «Не верю коню леченому, вору прощеному и понятно кому крещеному» — гласит несколько подзабытая в наше демократическое время русская пословица,— читаем у А. Яшина. «А как быть с женщинами?» — спрашивает он тут же, переходя к магистральной теме. И не удивляет лаконичным заявлением: «А вообще-то после пушкинской «Сказки о золотой рыбке» ничего нового про женский характер уже и сказать нельзя». И даже, если предположить, что «Пушкин уже все о слабом поле написал», то в любом случае нельзя не учитывать и высказывание академика Н. Скатова: «Пушкин был главным Дон Жуаном русской литературы»,— явив нам бесконечно богатый опыт любви. Женщины: мы думаем, что знаем их, а на самом деле лишь отчасти... Сколько уникальных женских черт не поддаются никаким объяснениям! Нечто магическое, по мнению автора, как «та же религия», есть у каждой женщины.

Не секрет, что на любой предмет можно взглянуть с двух точек зрения — серьезной и комической. А. Яшин, прежде чем представить женские образы, делает анализ социальной общественной почвы. Многие неоднозначно сегодня. Сделай паузу — скушай «Сникерс». Живи без напряжения, поздняя метаться, как вещают молодые. И прозаик прав, констатируя факты: «<...> к миллениуму, говоря по-импортному, сексреволюция в новой России по размаху затмила все иные, бывшие в двадцатом веке, революции и контрреволюции». Алексею Яшину свойственна диалогическая манера мышления, порой переходящая в остросатирическую, когда имеет место быть рядом и раздвоенность, и совмещение двух полюсов. Герою романа Егору Фомичу присуща эта отстраненная манера «слушать других людей как бы «со стороны», в мыслях своих выстраивая нечто вроде связного и образного рассказа». Он обращает внимание Лизаветы, как по-старинному величает ее, на что и нам не помешало бы тоже обратить внимание — на «замечательную английскую присказку, вернее, даже правило поведения: «Беседуя, джентльмены не имеют в виду присутствующих!» И далее добавляет: «К сожалению, женщины ему не следуют, а все переводят на себя и собеседника...» На протяжении всего романа ощущается познавательный-аналитический взгляд, особая форма монтеневского самонаблюдения, раздвоение личности на «я» наблюдаемое и на «я» наблюдающее, на объект и субъект анализа, что создает искомое единство, когда эти два «я» приходят в гармонию и анализирующий получает одобрение со стороны анализируемого. Лиза, обладательница, пожалуй, одного из самых таинственных имен в русской классике, усвоила старую и проверенную школу своего боевого прадеда, недаром повторявшего известную цитату Салтыкова-Щедрина: «Генерал в России не звание, а счастье!» Вне сомнения, в ярком образе Егора Фомича автор воплотил славное прошлое нашей некогда могучей и единой державы. Перед нами — полковник-танкист с Золотой звездой за Прагу, страстный книголюб, член Союза журналистов СССР, написавший книгу о героическом пути своего Краснознаменного гвардейского танкового полка.

*Все мои дожди отморосили.
Все ветра споткнулись на бегу.
Я умею только о России.
Ничего другого не могу.*

Г. Русаков

Надо сказать, освещая тему человеческих отношений и любви, их первостепенной составляющей, автор нет-нет, да и делает значительные ремарки, заставляющие думать о мире во всей его целостности: «История человеческая одновременно короткая и протяженная, особенно, когда само время сжимается, как у нас в стране в этот век, увы, уже уходящий: революции, войны, великие стройки и напряжение всех сил людей», — пишет А. Яшин, сохраняя связующую нить поколений. Но может ли родина быть малой? Он возвращает нас в настоящее, проецируя ход своих размышлений на Тулуповск, который «с давних времен традиционно поделен социально и территориально на однородные группы жителей, своего рода классы». Тулуповск — всего лишь своеобразная мини-модель всей социальной структуры нашего общества. В поле зрения А. Яшина и «класс различного чиновничества», благодаря оному и осуществляется «массовое уничтожение промышленности, что мы сейчас наблюдаем, и превращение населения в единый класс-гегемон». В итоге мы получаем невероятно усредненный духовный облик самого человечества — общество массового потребления — массовой культуры. Отсюда — совесть и честь, не присущая нынешней элите, ее крайне печальное, плачевное духовно-нравственное состояние. Как тут не вспомнить и давнюю мудрость: «За царя — на плаху, за народ — на костер, а за двухгривенный — куда угодно». Только сегодня это приобрело неслыханные масштабы. Здесь уместно сформулировать справедливую мысль академика В. Гольданского: «Все, что нам 70 лет говорили о социализме, оказалось ложью. Но то, как нам изображали капитализм, оказалось правдой».

Представляя читателю различные ситуации, хоть сравнения и вещь неблагодарная, весь момент лишь в том, как их подать, А. Яшин некоторые социальные моменты сопоставляет с описанными когда-то Салтыковым-Щедриным. У Михаила Евграфовича подобного немало в «Истории одного города», как-никак много времени провел он на чиновничьем поприще, в том числе служил рязанским и тверским вице-губернатором. Вот и получается: бедная богатая наша классика на все времена — и те, в которые сочинял Салтыков-Щедрин, и те, в которые после него, да и на наши времена ее хватило и хватает. К счастью или к сожалению, но у нее срока годности нет. А классика — она ведь всегда пластична, всегда уместна, всегда готова ответить на мысли автора и наши с вами насущные вопросы.

Не постигнув болезненных проблем бытия, сложно понять и философию современной любви, которая тоже изменилась, как и сама женщина, вынужденная подстраиваться и приспосабливаться к веянию изменчивого прогресса. Сколько вынесла на своих плечах русская женщина во все эпохи! И что в итоге?! Современное общество страдает неизлечимой болезнью безработицы, от которой лекарств нет и похоже не ожидается ни в близкой, ни в долгосрочной перспективе. А Зиновьев, характеризуя советскую идеологию, выделяет ее ключевую гуманистическую ценность — это прежде всего «самоценность человека труда». Сегодня везде доминирует бизнес и в отношениях тоже. Фактор жизни западного общества управляет миром, везде подключен «глобальный денежный механизм» и «расчетливый прагматизм», давно разьедающий наше постперестроечное общество. От одних только слов с их нескончае-

мыми «измами» уже голова идет кругом. До любви ли?! Но на то она и русская женщина, чтобы вживаться в любую структуру, приспосабливаясь к любым обстоятельствам, при этом энергично обустроивая любую эпоху. Ни одной западной женщине такое даже и не снилось!

Так зачем же мы намеренно отказываемся от своего кровного, родного, стесняем его?! Не зря А. Яшин и критикует отказ от всего исконно русского, высмеивая пагубное «превращение в скорейшие сроки детей, родившихся от нормальных родителей, в уродов американско-европейского образца». «У нас страна православная, католического чистилища», — тут же верно подмечает он. Крайняя гиперболизация, на поминающая салтыковское зоологическое уподобление, сопровождает его наблюдения: «Мне всегда обидно за некоторых животных, особенно за свинью <...> А вот поди же, самые дурные наклонности наших демократов ассоциируются со свиньей». Необходимо отметить, что в книге А. Яшина прежде всего есть основа серьезной почвы как безусловного условия шутки и объективного смеха. Трагическое и комическое всегда взаимодействует вместе, поэтому автору не чужд и Достоевский удивительный юмористический смех, и близок редкий пушкинский дар веселости.

Причинная связь явлений сопряжена с постоянным анализом происходящего, и мы вместе с автором и героями романа пытаемся разобраться и в системе ценностей, и в системе соблазнов. Принужденные страстью к доллару, девальвировавшему победу СССР во Второй мировой войне и жгущему Россию и русский характер, мы, что подчеркивал и А. Зиновьев, обретаем «усредненное и стандартизированное сознание», когда «стремление «иметь» в основе своей возобладало над стремлением «быть». Роман А. Яшина «Женщина в человейнике» раскрывает три смысловых измерения: этическое, мировоззренческое, гуманистическое. В таком диапазоне и выстраиваются психологические и социальные модели общества. Задача писателя их совместить, осмыслить и вписать в современный контекст жизни. Весь вопрос в том, как это сделать, когда мир вокруг сходит с ума? «Но главное в нынешней нашей жизни — это целенаправленный разврат из телятника, глянцевого журналов, «женских романов» в мягких переплетках», — таковы сегодняшние реалии, волнующие писателя.

Сократ изрек гениальную фразу, неумирающую в веках: «Все тайное, рано или поздно, становится явным». А у А. Яшина это «явное — обратная сторона тайного». Тайну, вопреки логике жизни, пытаются спрятать, а она и есть — явь. Она и есть та настоящая история, которую не хотят знать, о которой не хотят слышать, от которой отворачивают лицо. Познание сущности бытия невозможно без экзистенциального взгляда, без него невозможно представить и женщину в условиях нашей формации. Хотя излишне залезать в психологические глубины не стоит. А. Яшин предлагает оглянуться просто на себя и на окружающую жизнь своих знакомых, что, собственно, и делает главная героиня Лиза. Сходством психологических типов определяется сходство судеб. Жизнь и литература соединяются, творя общий культурно-психологический женский тип как отражение нашей противоречивой эпохи. В романе явственно ощущается уверенный авторский голос, сопереживающий женщине, сочувствующий и оправдывающий ее, но никак не осуждающий. Читатель убеждается, что об одном и том же предмете может существовать взаимоисключающее мнение. Даже самому талантливому писателю трудно пересюжетить реальность — она сейчас драматичнее и страшнее любой выдумки. И не над вымыслом сегодня обливается слезами учительница литературы на Крайнем Севере или в пылающей Новороссии, а над своим существованием. Резко изменилась сама ситуация и момент заветной истины ушел в небытие. Анна Каренина уже не входит в круг героинь романного чтива наших современниц, она их, искушенных в любовных изменах и отринувших всяческие

табу, давно не интересуется, вызывая своим убийственным поступком лишь легкое недоумение.

«Жизнь не есть зло и благо: она вмещает и то, и другое по нашему собственному выбору», — утверждал Мишель де Монтень. И Лиза «представляет себя некоей сторонней наблюдательницей», она, словно героиня из сказки, видит судьбоносные сны. Елизавете Васильевне, дипломированному психологу, вполне доступно «толкование сновидений» по Фрейд, так как и ее личные «навязчивые», «неспокойные» сны — продолжение обыденной жизни, ее изнанка. Сны — это и воспоминания, и наша тревожная жизнь, а может быть «предверие неосуществленных желаний», реализация которых, как считал Фрейд, возможна в сновидениях. И чего только не приснится женщине, пребывающей в одиночестве после не совсем удачного замужества?!

Причем интересно отметить и другие образы: Вера Тимофеевна — старший менеджер одной московской фирмы. Обычная, на первый взгляд, женщина. Но лишь на первый... Пожалуй, одна ремарка автора скажет о ней многое, если почти не все: «И время пошло такое: не до высоких моральных принципов...» Здесь нельзя не вспомнить характеристики М. М. Бахтина о «сочном плотском колорите», олицетворяющем связь с «телесным низом». И другая героиня романа Светлана Анатольевна Холодова, филолог по образованию, — «самая шикарная женщина» города, в отличие от той же Веры, знающая себе истинную цену, высказывает «прискорбную» для женского пола вещь, когда «явная, профессиональная проституция — крайнее выражение биологической сущности самки. Не зря же это — древнейшая профессия». Парадокс и голая правда. Светлана словно символизирует потерянность любви в современном мире, не оставляющем никаких иллюзий. История ее подтверждает старую истину, что, когда речь идет о женщине и мужчине, то дело не ограничивается областью одних только чувств — есть и расчет! Миром правит закон относительности, а значит, субъективности, произвольности наших чувствований.

Весьма отличительная индивидуальная особенность А. Яшина — уникальная способность переключаться, резко меняя тему и область исследования, при этом не теряя нить размышления, он умеет логически возвращаться к основному вопросу. «Русская земля, горестная и великая», как сказал о ней современный критик В. Лютый, не покидает его. За внешним юмором чувствуется боль за страну, горечь разочарования за развал ее былой мощи. Нельзя не согласиться с А. Зиновьевым, который дал случившемуся правильное объяснение: «Жизнь коммунистического общества была искусственно прервана усилиями внешних врагов и внутренних предателей». Социальная сфера у нас была выше и эффективнее капиталистической. Сегодня же происходит вопиющее ограбление и обнищание русского человека, не поддающееся никакому определению, и А. Яшин, фигурально выражаясь, открывает глаза народу: «<...> мы вам нефть, вы нам — некондишен — ширпотреб. Внутренняя торговля суть чистойшей воды спекуляции «купи — продай». Очень колоритные детали нашего времени: с одной стороны — суверенные государства, процесс демократии, с другой — гастарбайтеры из Средней Азии — лицо российских городов с их черновой работой, трудовая армия «понаехавших», как их называют.

И все же автор находит способ смягчить реальность «эпохи кривозеркаля». Критика и самокритика, как утверждал товарищ Сталин, — движущая сила нашего общества. А. Яшин чаще всего склоняется к мягкой критике. Духовный упадок западного общества, о котором нас так убедительно предупреждал писатель социальных романов А. Зиновьев, пришел и к нам! Мы получили, по словам А. Яшина, долгожданную «свободу выбора» «с ссылкой на весь остальной цивилизованный мир». Но загадочна русская душа, обладающая ощущением жизни, трагическим и спасительным одновременно. Красноречивый и наглядный пример — гвардейский полковник Егор Фо-

мич, передавший патристические чувства любви к Отечеству правнучке Лизе. Биография его поражает: воевал в Испании, на Халкин-Голе, на Дальнем Востоке с самураями, 20 лет прослужил в высшем военном тулузовском училище. Главное — построил старый Дом на горе, где жила большая семья в четыре поколения! Разве это не человеческий подвиг?! «Именно у нас оно было! Хотя бы мы можем сейчас сравнить и сказать: мы жили в счастливое по оптимизму время и в уникальной, социально ориентированной стране!» — с воодушевлением и духовным подъемом говорит он о советском государстве. «Сильный воспитанным от рода своим характером при любом раскладе жизни останется человеком!» — бравый фронтовик смог передать Лизе по наследству как самый большой дар — твердый и негибачаемый характер. А также еще привычку документировать и анализировать свои наблюдения. Рыночная цена не смогла до конца вытеснить этическую оценку, потому что не все сдались на волю случая, и далеко не все стали продуктом западной эволюции, вступив в антагонизм с «западоидом» — искусственно выведенным существом, этим равнодушным потребителем.

Лиза, вопреки нашему противоречивому времени, следует завету прадеда, когда собирает свои сокровенные заметки о природе любви и особенностях женского характера. «О женском пиши — как бы со стороны на это женское смотри, как мужчины на вашу братию поглядывают!» — советовал ей умудренный жизнью Егор Фомич. «<...> вся литература создается вокруг любовной интриги», — нельзя не согласиться с автором книги «Женщина в человеичнике». Возникает и другая интрига: удастся ли ему сделать открытие в этой многогранной теме? Скажет ли он что-то новое? Женщина и любовь — «основа человеческого существования». Сколько восхитительных произведений в мире о самоотверженных любящих, вобравших в себя и романтизм с его культом страстной любви, и христианство с нравственно-духовным аспектом. Наиболее известные и читаемые: «Письма незнакомке» А. Моруа, «О любви» Ф. Стендаля, «Воспитание чувств» Г. Флобера, «Страдания юного Вертера» И. В. Гёте. Впрочем, нет смысла их перечислять, они бесконечны, как и сама жизнь...

«Поговорим о странностях любви»

Великий русский классик говорил о них с присущей только ему одному гениальной простотой и ясностью. Поэтому зная, с какой величиной ты имеешь дело, прекрасно осознаешь, что любовный опыт пушкинского дара неотделим от нашей жизни. Любовь — огромное, властное, всепроникающее, всепобеждающее чувство. Таинственная власть, древняя, как мир... Взгляд человеческий всегда будет ловить влюбленных. Свечи разума здесь не зажигают. Так было — так будет... «В любви всегда есть немного безумия... но и в безумии всегда есть немного разума», — находил и здесь золотую середину, присущую древнегреческой философии, Ф. Ницше. «Почему в шахматах нет женских фигур?» — интересный вопрос ставит А. Яшин, поясняя суть воплощения формальной логики, где есть только «да» и «нет». У женщин, как известно, эти категории размыты и абсолютно лишены конкретики. Конформизм женщины порой не знает границ. В чередe ярких, но незавершенных до конца женских образах, автор представляет богатейший арсенал любовных историй. Оригинален его взгляд на женскую и мужскую природу. Как, казалось бы, они друг другу не противились, он их парадоксально объединил. Возможно, человеческая жизнь существует для того, чтобы ее прожить во всех данных нам проявлениях.

Вот лишь небольшие образные изречения из книги «Женщина в человеичнике»: «Любовь — это и дорога, и указатель, и цель, и место отправления; она же и остановка дилижанса, что везет девочку, потом девушку, женщину, почтенную мать семейства, по жизни». Или еще такое, поражающее разгадкой женской сути: «Женщина

идет по дороге жизни, скромно потупив взор, кокетливо оправляя рюши и оборки платья, а где-то невидимо для других, в самом сокровенном уголке сердца, ведет ее по пути неугасимый огонек, свет в окошке, звезда ее жизни — вечная любовь, даже не оформленная в конкретном образе». «Женщина питается любовью днем и ночью, утром и вечером, во сне и наяву», — нечто поэтическое ощущается в этих проникновенных авторских строках. А. Яшин достаточно афористичен, лаконично определяя само значение любви в женской судьбе: «Любовь — содержание жизни женщины». А «любовь женская есть первооснова всякой любви» — такой базис подводит писатель к этому вечному зданию, что строится и совершенствуется веками. Но присутствует в любви и естественный подход, заложенный первородной природой, которую никогда не обманешь. Автор приводит закономерные истины: «Продолжение рода и его улучшение — вот двигатель женской любви!» И развивает предыдущую мысль в другом умозаключении: «Любовь — это маска, красивая маска естественных биологических процессов», — проще говоря, тот же выход либидо. Не зря же миф о первородном грехе лежит в основе нашей христианской культуры.

Тайна любви непостижима. Любовь избирательная, вероятно, и есть настоящая любовь. Впечатляет история Анны, молодой учительницы, с таким трудом встретившей свою долгожданную любовь. «Аня с мистическим ужасом почувствовала, что ее украли», — украли ее саму, ее душу, лишь тогда к ней пришла единственная любовь. «Мы выбираем друг друга не случайно — мы встречаем лишь тех, кто уже существует в нашем подсознании», — отмечал в своем психоанализе З. Фрейд. Это законы, равносильные законам особой химии, особой селекции и особого отбора. Нужно быть готовым к неожиданному повороту и к тому, что называется словом «перформанс». Любопытны и артистические перформансы, на которые столь богата выдумками литература постмодернистская, что-то подобное излагает А. Яшин в главе «Женщина в отдалении». «Женщина в отдалении соответствует определенному стереотипу», — и он удивляет тонкими наблюдениями и выводами, необычными находками. В качестве парадокса привлекательности незнаемого — следующий его афоризм: «Всегда женщина сначала стремится показать себя в отдалении и, только произведя впечатление издали — чисто внешне, — начинает понемногу, осмотрительно приближаться». Мужчина и женщина, как две прямые, что неожиданно пересекаются и сходятся — вопреки Эвклиду, благодаря Лобачевскому. «Черное» и «белое» — таков характер малознакомой женщины, когда и ее воспитанность не поддается разгадке на расстоянии, — тоже важное авторское уточнение и особый нюанс.

Природа мудро создавала женщину как свое самое красивое и любимое творение. «Никто не в силах противостоять зову природных сил: это не патология; патология, когда наблюдается обратное», — убежден автор. Монтеневская этика и ее глубокомыслие заключается в том, чтобы доверчиво прислушиваться к голосу человеческой природы, ни в коем случае не совершая над ней насилия, а ввериться природе, значит найти путь к самому себе. К примеру, в главе «О стихах Вергилия» Монтень говорит о том, что величайшая глупость пытаться обуздать в женщинах то желание, которое в них так могущественно и так естественно. «Постарайтесь понять ее природу и все в ней станет правдивым», — советует разумно принимать суть женской природы и автор книги «Женщина в чужой шкуре».

Господи! Сколько же соблазнов на пути к познанию истины... Тот же Монтень признавался, что истина заведомо недостижима. А Гете писал: «Легче найти ошибку, чем истину». А. Яшина аналогично волнует не сама истина и ее обретение, а поиск, сама жизнь во всем ее многообразии. Писатель не стремится преодолеть или затушевать все эти противоречия. Его поиск устремляется в бесконечность, но не столько продвигаясь к искомой и объективной истине, которая навряд ли существует, сколько расширяя круг новых исканий. Другая глава, кардинально противоположная пре-

дыдущей,— «Женщина близки», когда «наблюдается абсолютная несхожесть того, кем была, и кем теперь стала женщина». А. Шопенгауэр считал, что любовь мужчины заметно ослабевает с того момента, когда он начинает обладать женщиной, ибо он быстро жаждет перемены, любовь же женщины именно с этого момента и возрастает. Мужчина не представляет, делает акцент А. Яшин, каково это «бремя замужней или просто близкой женщины». Но и женщина не так проста, как кажется, ей характерны метаморфозы в любви, ведь «женщина стремится быть и вблизи, и в отдалении одновременно». На это замечательное качество женщины и обращает наше внимание А. Яшин. Сближение с женщиной — тоже тайна... «Женщина приближается из отдаления, все ближе и ближе»,— она становится иной, так меняется мысль в зависимости от слов, которые ее выражают, остроумно замечал Блез Паскаль. Да, женщина приближается, трепещите мужчины, никогда не исключено, что все ближе и ближе это тютчевское «роковое слиянье» душ, этот извечный «поединок роковой», в котором нет победителей. Мужчины и женщины стоят друг друга. Никто не лучше и не хуже. Между тем, они страстно жаждут обоюдной гармонии в любви.

Как видим, жизнь — борьба равнозначных зачатков идеального и рационального подходов. И наше время состоит из сплошных парадоксов. «Современную женщину в возрасте от детсадовского до преклонного мало интересуют любовные и околотюбовные игры с мужчинами. Ей свойственен крайний прагматизм: деньги, деньги и еще раз деньги»,— недоумевает автор о печальной природе такой алчности, а также немислимом покупательском инстинкте. Запад выработал прагматизм, в чем-то граничащий с иррационализмом. Мы сегодня во многом превзошли ту же Европу, уставшую от этого и начавшую вполне разумно относиться к теме потребления. Но есть и то, что в корне отличает нас от них: тяга к жизнеустройству других людей, отдающая, по словам А. Яшина, откровенной навязчивостью. Так устроен русский человек, которому мало интересна жизнь собственная, для него она однообразна и невероятно скучна. Об этом психологическом разнообразии и крайностях русского народа писал еще Достоевский, указывая на отличия русских от более «причесанных» и в своей массе лишенных этих крайностей европейцев. Н. Бердяев в книге «Судьба России» аналогично обращает внимание на такую черту русского характера, как чрезмерная забота о ближнем, когда русский способен ради него пожертвовать даже личными интересами и личным благополучием. А вот что из этого может получиться, А. Яшин рассказывает в истории об одном молодом холостяке Игоре и о непреодолимой страсти природного влечения, что оказывается сильнее человека и его воли.

Приоткрывает завесу тайны в важном моменте женской сексуальности, равнозначном ее женственности, глава «Женщина на ложе любви», по сути эти два понятия — синонимы, в чем не сомневается автор. Женщина живет «великим инстинктом всегда быть готовой!», хотя на самом деле, если задуматься, то прав А. Яшин,— «постоянно сексуален мужчина». И Монтень утверждал, если «дело идет о любви, той самой любви, которая теснее всего связана со зрением и осязанием, то можно достигнуть кое-что и без духовных прелестей, но ничего без телесных». То же самое писал и А. Шопенгауэр в «Метафизике половой любви», главной теме исследования всей жизни: «Ибо невозможно, чтобы нечто природе человеческой чуждое и ей противоречащее, т. е. какой-то из воздуха сотканный призрак, постоянно и неустанно вдохновляло поэтический гений и в его созданиях находило себе неизменный прием и сочувствие со стороны человечества». Если с доминантой сексуальности, составляющей главное начало в женщине, более-менее ситуация ясна, то совершенно порой непонятна мотивация ее остальных поступков. Не зря З. Фрейд, несмотря на его 30-летнее изучение женской души, так и не смог ответить на коварный вопрос: «Чего хочет женщина?» А. Яшин, рассматривая женщину в каждом возрастном периоде, приходит к непредвиденным открытиям: женщина странным образом всегда живет

романтическим содержанием мечты, что у нее «все впереди!», и «лучшая любовь», и «не встреченный мужчиной». Как ей это удается, понять сложно. Был провидчески дальновиден Ф. Ницше, особенно относительно женщин, когда замечал, что «всякая великая любовь хочет не любви... она хочет большего».

Разумеется, можно попытаться разгадать те или иные черты женского характера. Но мне представляется, что занятия это бесполезное, не будем забывать и о том, что женщина в совершенстве владеет искусством обольщения, привлекая мужчину азартными играми соблазна. А. Яшин в «Эссе о соблазне», вошедшем в роман, придает значение игре случая — этой определенной и во многом закономерной логике судьбы. Он обращает наше внимание на ключевое «счастливое сочетание — красоты и обаяния», данное некоторым женщинам, способное творить невозможное. «Так гибнут города, открывая ворота войскам двух союзных Императриц: Красоты и Обаяния», — преклоняется писатель, склоняя голову перед магической силой женских чар. Есть и третья составляющая — ум, но в этом сочетании он, пожалуй, будет для женщины непозволительной роскошью. Ценно и важно — в книге нет категоричности суждений и с человеческой точки зрения, и с научной! Конечно, тематическое мышление — противостоит мышлению поэтическому, и все же А. Яшину удается придать своей прозе настоящую поэтическую ноту! Как восхитительно он описывает «женщину, преследуемую мужчиной», словно экзотическую «охоту со всеми ее страстями и эмоциями», когда воистину «бегущая от преследователя женщина прекрасна». Так же и Монтень когда-то восторженно философствовал о женщинах: «Пусть они всегда убегают от нас, и даже те среди них, кто не прочь позволить себя поймать, — они верней побеждают нас, убегая, как делали скифы».

Целая жизненная философия содержится в романе А. Яшина и в главе «Стадии любовности женщины». «Когда размышляешь о пути женщины по жизни, то неизбежна ассоциация с плодом», — предается философским размышлениям прозаик, видя женщину в извечном круге бытия и природы, в ее неизменных и повторяющихся циклах, но, как ни грустно, круг судьбы женщины имеет и завершение. Верно и то, что «каждому периоду жизни женщины вполне однозначно соответствует и своя форма любовности». И все же всему свое время и место. «Время любви и бремя любви», — возникает авторская параллель с проповедником Экклезиастом, изрекшем вечные слова: «Время любить и время ненавидеть». Лента возраста — как лента Мебиуса... И женщины передвигаются по ней, переворачивая неумолимое время, питая несбыточные надежды и иллюзии превзойти и время, и коварный возраст. Но женщина так устроена, она не была бы женщиной, если бы верила в обратное! Она всегда живет ожиданием, преддверием тайны.

Надо признать, что в большей степени занимает не сам предмет исследования, а то, как автор его трактует. Впрочем, тщетно пытаться подчинить себе жизнь, втиснуть в схему, тогда как подвижная, изменчивая, многоликая жизнь постоянно разрушает любые идеи и стереотипы. Достаточно неординарно подходит А. Яшин и к вопросу, который до сих пор вызывает в обществе яростные споры и двоякое мнение, — это женщина и феминизм. Эмансипация затрагивает сегодня широкий спектр идеологических, политических и социальных явлений нашего общества. Провозгласив однажды убийственную фразу: «Половой акт — как выпить стакан воды!» — Коллонтай не принесла обладательницам слабого пола ни желанной радости, ни вожделенной свободы от семейного ига. «...Но на самом деле эмансипация, т. е. безумное своеволие женщин, берет начало в библейской поре...» — видит автор корни и генезис этой неразрешимой проблемы. И приходит к очень неожиданному, но, в целом, верному выводу: «Самое существенное, что истоки эмансипации предельно просты: невнимание мужчин к не очень красивым женщинам, к тому же неряхам, бездельницам даже в постели». Писатель излагает проблему в гротескном преломлении, спрятав ее

под толстым слоем иронии, но на каком образцом, в чем надо отдать ему должное, то прибегая к цитизму. Авторский голос присутствует здесь то прямым включением, то емким резюмированием, то непредвиденными заключениями. Действительно, эмансипэ, этакая жорж-зандка, живущая имитацией чувств, кому она нужна?! Без грустной насмешки, переходящей в сарказм, данный феномен не представить. Поэтому у автора свой порядок мыслей, своя выверенная логика, вскрывающая пласты бытия — от высоких философских умозрений до чисто физиологических. Гораздо привлекательней образ женщины, который смягчает, а не ослабляет мужчину в этой бессмысленной борьбе полов за первенство. Лишь тогда для подобной женщины, как заметил Белинский, «меркою ее достоинства может быть мужчина, которого она любит».

Определяющим, концентрирующим главные смыслы можно считать в книге авторское «Эссе о мудрости и судьбе», где А. Яшин вовсе не стремится объять необъятное, но прежде всего хочет сказать о том, что тема женщины и любви неисчерпаема и стара, как мир, который никому не дано заменить собой. «Затронутая тема глубока и бесконечна, точнее, бездонна», — подтверждает прозаик. «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всякими животными, пресмыкающимися по земле», — гласит Ветхий Завет (Бытие. I. 27-28). Но вопреки всему от древа познания добра и зла вкусили запретный плод мужчина и женщина. Какой же плод это был, нечто соблазнительное и недозволенное?! Видимо, должны обязательно существовать пределы человеческого знания, пределы доступности для человека истины, предел того, что за гранью, за которой, возможно, лишь бездна. «Все, что делается из любви, совершается по ту сторону добра и зла», — недаром пронизательно замечал Ф. Ницше. Видимо, это заложено изначально в человеческой природе. Как совместить любовь и свое «эго», свой эгоцентризм? Наше бытие пронизано диалектическим сопряжением противоречий, гениально сочетающихся и совмещающих вещи совершенно противоположные.

Вот так же, «добру и злу внимая равнодушно», Лиза разбирается в типах женских характеров, слагая свое «философско-беллетристское баловство» и «размышляя на бумаге не от женского естества, но именно глядя со стороны неважно чьей: женщины ли, мужчины». И ни она, ни автор книги не предлагают читателю никакого постулата, никакой теории, претендующей на полное объяснение жизни и любви. Автор хочет лишь найти наилучший практический способ, подобно тому же Монтеню, позволяющий «достойно» прожить отпущенный нам срок, — и мужчинам, и женщинам. Ибо удел человеческий не в безнадежном бунте против «творения», а в открытом и сознательном согласии до конца пережить и исчерпать условие человеческого существования: ведь в конечном счете это и есть наше бытие, это и есть наше все. Законы мудрости и жизни напоминают шахматный лабиринт. Несмотря ни на что, человеку присуща неизменная способность радостного восприятия жизни и любви. Счастья мы ждем беспрестанно.

Именно женщине дано решать такую важную составляющую как проблема души, которую в полной мере одни мужчины разрешить не способны. Каждая глава в книге объединена неким общим предметом, идеей, темой, и автор подбирает различные ключи, ищет различные подходы для их раскрытия. Он использует нестандартный идейно-тематический ракурс видения, никогда не склоняясь к поверхностному описанию. Книга наполнена поучительными примерами из жизни, историческими анекдотами и цитатами, поэтому ощущение смысловой хаотичности и многомерности происходящего исчезает, благодаря случайному, а скорее всего и не случайному, соединению отдельных текстовых фрагментов. Изящество, помноженное на юмор, вне всякого сомнения, привлекает в этой книге: «Только на Руси счастливая дура —

лучшая из женщин», когда мы с изумлением обнаруживаем, что «правила» на глазах превращаются в «исключения».

Вот и сны Лизы, представленные в книге «Женщина в человечнике», — первый и второй, непонятны и недействительны вне контекста современной литературы и современной реальности, в которой тоже наблюдается подобие страны Зазеркалья, пронизанной всевозможными чудесами. Сны эти наполнены ассоциативным динамичным сюжетом мысли, психологической углубленностью, ярким колоритом каждой бытовой фигуры. Здесь налицо добрые и привычные гуманистические традиции русской классики, ее широта, глубина и свобода, легкая ирония, добродушный юмор если хотите. Второй сон Веры Павловны из романа русского классика-демократа — условная параллель дневного, фантазмагоричного, эротичного сна лирической героини А. Яшина. Отображение первенства в женской натуре, ее первородного, природного, а точнее — естественного начала, ставил во главу угла Л. да Винчи. У З. Фрейда в его известном соннике, в главе «Сексуальные сны. Расшифровка и толкование эротических снов» сны являются «шифром», кодирующем запретные и неосуществленные желания. К. Юнг в свою очередь ссылается на архетипы-модели, которые становятся двигателями творческих импульсов человека и составляют основу сновидений. Лиза во втором сне «ехала все по тому же, знакомому по первому недавнему сну, шоссе «Нижегород-Пенза». Она и во сне размышляет о повседневности, не вырываясь из ее круга. Срабатывает пространственная рефлексия, основанная не только на прочитанном, но и на лично пережитом, увиденном, услышанном, случившемся именно с ней, профессиональным психологом и просто молодой и удивительно чувственной женщиной, хорошо понимающей всю невозможность найти твердые критерии каждодневного поведения среди людей. Итак, в череде «борьбы сознательного и бессознательного» наша Елизавета Васильевна постигает природу человека вообще. А «природу не обманешь ни ученой степенью, ни заботой о любимой дочери», на что указывает автор, когда результатом и реализацией снов Лизы стали три счастливых, три реальных дня любви, дав выход всех накопившихся скрытых сексуальных желаний. «Неистребимое женское влечение» не имеет преград, оно способно покорять даже самые неприступные крепости и города. Верно подмечает А. Яшин неповторимую особенность, присущую сугубо русской женщине, предельно точно передавая ее тайное и самое сокровенное желание: «Баба я русская, что всегда хочет любви! Настоящей, не импортного «секса», но — любви!» Ценит автор и такое редкое качество как женский ум. «Нет ничего печальнее женщины, которые не умели ничего, кроме как быть красивыми», — есть весьма тонкая ремарка у французского писателя и философа Б. Фонтенеля. По-видимому, конкретная «примерка чужой невестой чужого свадебного платья» заставила Лизу, как опытного и трезвого аналитика, помнившую науку прадеда, отменить второй поход замуж. Так или иначе, но ей удалось предвосхитить судьбу, словно опережая строки Л. Н. Толстого, какими начинается роман «Анна Каренина», когда «все счастливые семьи похожи друг на друга», а «каждая несчастливая семья несчастна по-своему».

Совсем иная сторона снов Лизы — это картины нынешней окружающей действительности со всей ее избыточно-реалистичной детализировкой и насыщенной окраской. Как известно, нет ничего скучнее чужих снов — и ничего интереснее собственных. В книге масса примеров из нашей с вами сумбурной жизни: и автомобильные отверточные технологии, и нынешние заводы по сборке японских или китайских автомобилей, и беспилотные автобусы как свидетельство склонности обезьянничать и во всем бездумно подражать Европе. А ведь еще известный русский философ Н. Данилевский в книге «Россия и Европа» говорил о невозможности вхождения России в европейскую политическую систему, объясняя это их различными культурно-историческими типами. Он твердо защищал русское начало, призывал русский народ не

заниматься самоуничижением и самобичеванием. Немецкий философ В. Шуберт в книге «Европа и душа Востока» признавал следующее: «В противовес прометеевскому, западноевропейскому человеку, русский обладает христианскими добродетелями в основе своих национальных свойств. Русские были христианами еще до обращения в христианство...» Прав и наш современник, русский писатель, поддерживающий христианские традиции православия, В. Крупин, когда пишет открытые и чистые строки: «Ничего не надо выдумывать. Да и что нам, русским выдумывать, когда жизнь русского сама по себе настолько необыкновенна, что, хотя бы ее-то успеть постичь. Она — единственная в мире такого размаха: от приземленных до занебесных высот». Разумеется, это нужно ценить. Русским людям свойственно «чисто русское неприятие имущественного неравенства», о чем замечает А. Яшин, и о чем также неоднократно писал Ф. М. Достоевский, и которое, как ни странно, возможно, и стало одной из основных причин Октябрьской революции 1917 года. В этой связи А. Яшин рисует образ Филимона Пантелеевича, дядьки Егора Фомича, — редкого артиста Императорских театров, удостоенного самим Государем юбилейной алюминиевой медали, что ценилась тогда выше золота.

И. Золотусский, российский историк литературы, писал в свое время о том, что вряд ли Горбачев или Ельцин читали хотя бы Татищева, не говоря уже о Карамзине, Соловьеве и Ключевском, которые знали свой народ лучше большевистских или антибольшевистских теоретиков, нигилизм последних и породил перестройку, «эту уличную девку истории». Перестройка и ее лидеры утвердили другую диктатуру, более худшую, бездарно переняв европейскую диктатуру, до крайней жесткости деловую. А. Яшин подвергает достаточно резкой критике глупое поклонение перед Европой, будто там все самое передовое и лучшее. «Хорошо там, где нас нет!» — уверен он, вспоминая надежную народную мудрость. Недаром и А. С. Пушкин в стародавние времена, а вроде нынче, с горькой иронией писал, обращаясь к русскому народу: «Ты просвещением свой разум осветил, / Ты правды лик увидел, / И нежно чуждые народы возлюбил, / И мудро свой возненавидел». Поэтому не будем забывать старые истины: у России имеется свой нравственно-философский ресурс, своя территория личности и культуры. Деньгам мы можем противопоставить великую культуру. Сложнее с экономическим и политическим ресурсом. Литературовед, писатель, профессор А. Андреев вполне справедливо выскажет интересную и умную вещь о феномене глобализма, когда «сам глобализм есть, а глобальных идей — нет». А. Яшин и показывает это «зазеркалье» — эпоху «человеяника в глобализме». Судя по всему, критический реализм и подлинная правда, — наиболее важные критерии в творчестве писателя. И если США и Европа свели цивилизацию лишь к комфорту, и «европейские ценности» сегодня вызывают не только большие сомнения, но и опасения, то у России появился шанс стать цивилизацией, ответственной за сохранение ценностей человека. Очевидно, что современный глобальный кризис имеет гуманитарные корни, это кризис субъективных представлений о мире и понимании роли человека в нем. А как же быть женщине, «помещенной в безликий человекяник»? Ведь любовь — это женщина, и «женщину красит любовь и только она единая», в чем не сомневается писатель.

Обширный взгляд на жизнь и искусство, умение мыслить масштабно, этот характерный свободный авторский подход ощущается в последней главе «Завершение дня и большие сборы ячейки человекяника», обобщающей главе, символично подводящей итоги прожитого сложного дня. И не забыли гости и друзья, пришедшие в дом Елизаветы, отдать дань памяти и Егору Фомичу, его человеческой доброте, воплощенной в характере правнучки. «Все от земли мы. И не стыдимся этого», — звучат слова первенствующего гостя их дружеского и по-русски щедрого застолья. Егор Фомич, как никто иной, знал цену земле и крепкому крестьянскому слову, что во все времена было и остается всему основой. Уважал самобытную народную речь, ее разговорно-

бытовой стиль, с которым мы знакомимся в книге А. Яшина. А сила и красота народной речи таится в природном, цветастом образе, в притчевом и пословичном любознательности, что мы и находим в его текстах. Не приемлет автор иноземной, технократической свалки с ее неживой, пластмассовой речью!

«Что нас здесь объединило?» — вот по-настоящему глобальный вопрос в романе, вопрос одного долгого дня в Доме на горе, такой необходимой для нас ячейки и такой дорогой составляющей глобального человекика. «Жизнь не в том, чтобы жить, а в том, чтобы чувствовать, что живешь», — писал историк В. Ключевский. Впрочем, ничто не ново под луной. Для нашего человекика по-прежнему актуально монте-невское «искусство жить достойно» и причем не столько в экстремальных, сколько в самых обыденных ситуациях. Здесь побеждают взаимная симпатия, всеобщая связь сочувствия — разумные человеческие принципы, характерные для русских людей, скрепленных взаимопомощью во имя любви и добра. Ведь истинное деяние, как изрек когда-то последний Император Китая Дао, «должно быть незаинтересованным». Мы живем в прагматичное время, когда мир не поддается сколько-нибудь однозначной расшифровке. Литература тоже впитывает и перерабатывает эту жизнь и собственную судьбу, потеряв сегодня свои руководящие роли. Несмотря на это, Алексей Яшин по-достоевски пронизательно мыслит о жизни, во всем ее единстве и во всех противоречиях. Он, как эстет, органично и самодостаточно, где-то лаконично и иронично, возвышенно и до афористичности понятно представляет свое повествование, свои литературные миниатюры, впечатляя читателя своим незаурядным и оригинальным дарованием, своеобразным почерком, колоритным языком. Используя некоторую извилистость письма, прозаик не перестает покорять изящным летучим эссеизмом на русской крепкой почве, неотягощенной ни трактатностью, ни академическим занудством. В различной комбинаторике жанров, собранных в романе, в зеркальных отражениях жизни он видит законченность многообразных элементов художественного целого. Завершающий авторский парафраз книги: «Пока еще «есть женщины в русских селеньях», — хочется продлить мыслью, что есть и писатели, и литература русская, несущая очистительный заряд, наполненный колоссальной энергией созидания. Пусть она, потеряв уникальное место в обществе, перестала быть «властителем дум», зато смогла сосредоточиться на возможности не менее перспективной — познании себя и мира.

И Алексей Яшин не столько жизнь связывает с философией, сколько философские книги с жизнью. Он использует экзистенциальный опыт, о котором А. Твардовский сказал, что «собственная жизнь — это клад». Она гораздо интереснее придуманных историй, именно в ней проявляется реальное воплощение универсальных понятий. А. Яшин подтверждает своим творчеством ясную философскую цель — любить просто жизнь, любить друг друга, разрушая ненужные стереотипы. «Жить — есть не писать историю, не писать трагедию или комедию, а как можно лучше мыслить, чувствовать и действовать, любить добро, возвышаясь душой к его источнику...» — разумно и вместе с тем мудро размышлял Н. М. Карамзин. Точно так же живут и герои книги Алексея Яшина «Женщина в человекике», живут, согретые женской любовью: жертвенной, долгой и верной, легкой и мимолетной, страстной и умиротворенной, очень разной, но любовью бесконечной, всегда устремленной к вечности, единственной и неповторимой, глубоко индивидуальной. Так было и так будет, как в этих загадочных и стремительно летящих по жизни строках современно-го поэта Владимира Бояринова:

Все повторится в простоте / В ночи с гнезда сорвется птица.

И растворится в темноте, / Чтоб никогда не повториться.

